

С.О. ШМИДТ

После
75

Работы 1997–2001 годов

Москва
2012

Прежде всего хочется выразить признательность россиянина властям и общественности Бельгии и города Брюсселя. Пушкин для нас – олицетворение культуры и духа России; и радует, что наш праздник воспринимается как всемирный. Мне, уроженцу Москвы и историку Москвы, особенно дорога честь выступить в день открытия памятника Пушкину в Брюсселе и наименования его именем площади города, потому что именно первый на Родине памятник Пушкину, работы скульптора Опекушина, воздвигнутый в 1880 г. в центре Москвы (теперь это тоже Пушкинская площадь), стал ныне таким же символом нашего города, как и старинный Кремль.

Памятник в Брюсселе – не единственный памятник Пушкину за рубежом; открытие нескольких памятников имело место и в юбилейном пушкинском 1999-м году. Но Брюссель – город славных исторических и культурных традиций, средоточие общественно-политической жизни стран двух континентов. А в Москве к тому же особое отношение к культуре Бельгии. Здесь сердечно и заинтересованно встречали в 1913 г. Эмиля Верхарна, сочинения которого переводили виднейшие наши поэты. Московский художественный театр первым получил право постановки пьесы-сказки Мориса Метерлинка «Синяя птица». И эта постановка Станиславского для нескольких поколений московских детей начинает знакомство с театром. «Синяя птица» стала эмблемой первого в мире Московского детского музыкального театра, организованного в 1964 г. Наталией Сац. Актер и всемирно известный спортивный обозреватель Николай Озеров дал название своим мемуарам «За синей птицей». Среди самых любимых москвичами с юности книг – «Легенда об Уленшпигеле» Шарля де Костера: в Москве и театральные спектакль об этом. Мы помним, что всемирная слава к нашим молодым музыкантам в предвоенные годы пришла после побед на конкурсах под патронажем королевы Елизаветы. Для историков моего поколения еще в студенческие довоенные годы воспринимался как классик исторической науки Анри Пиренн. Недавно большой интерес вызвала выставка произведений Ренэ Магритта в Музее изобразительных искусств, а этой

* Текст выступления в зале Ратуши города Брюсселя в день открытия памятника Пушкину 30 сентября 1999 г.

осенью там экспонируется выставка произведений фламандской живописи.

Характеризуя, тем более оценивая явления прошлого, должно учитывать и то, как их воспринимали современники и чем они оказались для последующего времени; а если это явление культуры, то и востребованность в наши дни.

Пушкин при жизни был великим поэтом; с его именем российская изящная словесность вошла в ряд великих европейских литератур. Однако в самой России это не всеми было сразу осознано, а за рубежом стало очевидным лишь с распространением переводов сочиненного Пушкиным и особенно с появлением великих романов Тургенева, Льва Толстого, Достоевского, ставших школой для литературы Европы и Америки последних десятилетий XIX в. Творчество российских писателей – младших современников Пушкина – в лоне пушкинской литературной традиции, и сами великие классики уже не только русской, но и мировой литературы всегда отмечали это и видели именно в Пушкине родоначальника русской национальной литературы. Поль Валери, выступая на Пушкинском вечере в зале Плейель в Париже в 1937 г., верно подчеркнул: «Творчество Пушкина вызвало необыкновенный творческий расцвет всех искусств в России: литературы, музыки, живописи, скульптуры, театра, балета... Произошло событие необыкновенное: в течение одного века на дальней восточной окраине Европы создалась литература небывалого блеска и глубины, подчинившая своему влиянию литературу мировую. Факт беспрецедентный в истории человечества...»

Кончина Пушкина продемонстрировала, что российская словесность имеет уже широкую читающую публику. Первые в России журналы, рассчитанные на таких читателей и читателейниц, стали выходить по почину Карамзина в конце XVIII – начале XIX в., но многие аристократы придворного круга, светская «чернь», продолжали читать лишь иностранную художественную литературу, и министр народного просвещения Уваров выговаривал журналисту, поместившему горестный некролог человека нечиновного. Однако никогда прежде не видели столько людей, особенно молодежи, пришедших проститься с умершим. Ясно выявилось и то, что сформировалась уже и дворянская интеллигенция, воспринявшая гибель Пушкина как трагедию России. И это не только лица, близкие по общественным воззрениям к осужденным за выступление против царя в 1825 г. хорошо знакомым Пушкину декабристам, но и придерживавшиеся более кон-

сервативных взглядов. А само слово «интеллигенция», как выяснилось, – из разговорного языка людей пушкинского круга. Оно в дневниковой записи 1836 г. ближайшего старшего друга Пушкина Жуковского. Появилось, следовательно, не в 1860-е годы (как принято указывать даже в энциклопедических словарях), а лишь широко распространилось тогда и затем – с расширением международного воздействия русской литературы – перешло оттуда в западноевропейские языки (происхождение его из России отмечено и в энциклопедии «Nouveau Larousse universelle» и в Оксфордском словаре английского языка). Жуковский употребил слово «интеллигенция» как социокультурный термин для обозначения европейски образованного столичного дворянина; в то же время он связывал это и с определенными образом мысли и поведением, т. е. с «интеллигентностью» в позднейшем смысле этого слова, а это уже и нравственная категория.

Сразу же вырвался из души и «рыдающий стих» (определение Вяземского) и давних друзей Жуковского и Вяземского, и петербургского офицера-аристократа Лермонтова (в авторе страстно-обличительного стихотворения «Смерть поэта» с надеждой увидели нового гениального поэта; но и он будет через четыре года двадцатисемилетним тоже сражен на дуэли), и мудрого лирика, подвизавшегося тогда на дипломатическом поприще Тютчева (охарактеризовавшего убийцу поэта как «царубийцу» и уверенно сформулировавшего о Пушкине в будущем: «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет»), и молодого московского аристократа Огарева – друга и сподвижника Герцена, и поэта из народа воронежского мещанина Алексея Кольцова. В 1840-е годы властитель дум той поры литературный критик Белинский создал монументальный цикл статей о Пушкине, обосновав мысль, что «писать о Пушкине – значит писать о целой русской литературе»; и каждое новое поколение будет по-новому воспринимать Пушкина, но именно его произведения «будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство». А эмигрировавший в Западную Европу Герцен в книге «О развитии революционных идей в России», предназначенной для зарубежного читателя и изданной на французском и немецком языках, счел необходимым особо подчеркнуть общественное значение произведений Пушкина. Он же определил место Пушкина в контексте истории России Нового времени: «На призыв Петра цивилизоваться Россия ответила явлением Пушкина». В середине XIX в., когда общественное внимание сосредоточивалось на

критике язв крепостного права и его последствий, молодые литераторы («тогдашние торопившиеся люди», как их позднее назовет Достоевский) попытались было объявить устаревшими и взгляды Пушкина, и художественную форму их выражения, но суждения эти оказались скоротечными. И тогда же литератор Аполлон Григорьев провозгласил не раз повторявшиеся с тех пор слова: «Пушкин – наше все», «Концы всего в Пушкине», «Пушкин не умрет, а будет развертываться все больше и больше». И это стало особо ощутимо в Пушкинский праздник 1880 г. в связи с установкой в Москве памятника Пушкину.

В ту пору Пушкин стал уже знаковой фигурой русской литературы, российского общественного сознания, России. С этого времени в обычай вошло и сочинение речей о Пушкине виднейшими писателями, учеными, общественными деятелями. А с публикацией оставшегося в бумагах Пушкина (в завершеном виде или во фрагментах) стало заметно воздействие его и на развитие философии, эстетики, этики, политологии, хотя не вся многообразная литература обогащает наши представления о творчестве и биографии Пушкина: иногда эти представления тенденциозно сужены в угоду воззрениям (политическим – консервативным или революционным, религиозным или атеистическим, интернационалистским или националистическим и др.) авторов этих сочинений. Особо важно отметить, что произведения Пушкина – источник вдохновения для художников, музыкантов; крупнейшие композиторы сочиняли оперы, балеты, кантаты, романсы, музыку к кинофильмам пушкинской тематики: всемирно известны оперы «Руслан и Людмила» Глинки, «Русалка» и «Каменный гость» Даргомыжского, «Борис Годунов» Мусоргского (сцены из нее и на плафоне в Гранд-опера в Париже, выполненном Шагалом), «Евгений Онегин», «Мазепа», «Пиковая дама» Чайковского, «Сказка о царе Салтане» и «Сказка о золотом петушке» Римского-Корсакова, «Алеко» Рахманинова. Пушкину посвящали стихи едва ли не все видные поэты России и в XX в. – Блок и Брюсов, Ахматова и Цветаева, Пастернак, Маяковский, Есенин, в послевоенные годы Твардовский, Окуджава; Ходасевич перед эмиграцией выразительно сказал о Пушкине: «Мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам перекликаться в надвигающемся мраке».

К нашему времени пушкиноведение (употребляют и термин «пушкинистика») стало особой сферой знания на стыке нескольких гуманитарных наук, литературы и искусств; и развитие его отражает уровень достижений и научной мысли, и общественного

сознания. Пушкинские годовщины становятся как бы смотрами сделанного в этих направлениях. Нынешний юбилей 200-летия со дня рождения Пушкина демонстрирует и все возрастающее международное признание гения Пушкина. Для граждан современной России он важен тем, что впервые после многих лет обращено столь большое внимание на сделанное в пушкиноведении зарубежными учеными-русистами, а также и российскими эмигрантами после революции 1917 г.

Вообще возвращение в лоно российской культуры творчества российской эмиграции, изучение его даже в школьных учебниках, утверждение с малолетства представлений о единой для планеты российской культуре (при всем разнообразии ее форм и идеолого-политических устремлений) – одно из самых благотворных достижений общественной жизни России последнего десятилетия и существенно важных для формирования общественного сознания людей грядущего столетия. А в корневой системе русскоязычной культуры, культуры тех, кто видит сны на русском языке, прежде всего Пушкин.

Конечно, Пушкин более близок и понятен россиянину. Так как в переводе почти невозможно передать красоту, точность и одновременно лаконичность его языка, глубину мысли, совмещенную с ироничностью. К тому же некоторые его сочинения, особенно великий роман в стихах «Евгений Онегин» насыщен приметами – реалиями повседневной жизни, наблюдениями о круге чтения именно тех лет, и для полноты восприятия в наши дни обращаемся уже к помощи ученого комментатора. Белинский считал «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни». И действительно, для историка это первостепенной важности источник по истории дворянского общества – и петербургского, и московского, и провинциального. Но к творениям Пушкина так называемый широкий читатель тянется не из-за интереса к истории, как и к творениям других истинно великих писателей. Ведь для большинства читателей и зрителей спектаклей, фильмов воссозданная Шекспиром история Ромео и Джульетты – это не гибель молодых аристократов из-за устойчивых предрассудков Средневековья, а образец горячей, безмерной любви, когда жизнь после смерти любимого человека не представляется возможной.

Пушкин писал: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу. Климат, образ жизни, вера дают каждому народу особенную физиономию». В произведениях

его, особенно в прозаических, все это отражено. Но великий писатель не ограничивается изображением настоящего и прошлого России: место действия его произведений и другие страны (в так называемых маленьких трагедиях – Австрия, Англия, Германия, Испания), и он проникновенно изображает образ мыслей и действий их обитателей. Ибо главное для большинства произведений Пушкина – общечеловеческое, в той или иной мере волнующее всех мыслящих людей. Это – чувства и помыслы во всем их многообразии и противоречии; это и особенности восприятия мира («Тьмы низких истин нам дороже / Нас возвышающий обман»); и процесс творчества в его развитии и самовыражении («Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных»). Это – и взаимосвязь настоящего и прошлого, и вечные проблемы: человек и природа, человек и общество и особо его тревожившие – личность и власть, милость и правосудие. Высоко ценимая автором историческая драма «Борис Годунов» полна глубоких политологических и эстетических наблюдений не только над прошлым, но и настоящим.

Очень существенно и не всегда свойственно даже великим писателям то, что Пушкин неизменно добр (хотя и ироничен при этом), душевно гармоничен, ясен, вызывая в памяти светлые имена тоже рано покинувших этот мир Рафаэля и Моцарта. Никаких нарочитых стилистических или звуковых изощрений. Нет ни душевного надрыва, ни изнуряющего самокопательства.

Редкостное по естественности изначальное совмещение гармоничнейшей формы и душевного здоровья. Читая произведения Пушкина, можно испытывать грусть, печаль, но никогда не возникает мучительных ощущений. И наш великий поэт начала XX в. Александр Блок недаром начал свою речь «О назначении поэта» словами: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин», и в конце того же абзаца: «это легкое имя: Пушкин».

Это предопределялось и человеческой натурой Пушкина, и творческой установкой писателя. «Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтобы сделать добро», – говорил возвращенный из ссылки Пушкин, объясняя, почему он именно так (в 1826 г.) написал императору записку о народном воспитании. В этом убеждает и продуманная чеканная формулировка стихотворения «Я памятник себе воздвиг...», формулировка-самооценка: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой

жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал».

При этом Пушкин всегда многомерен в изображении своих героев: у него нет однолинейных образов, ограничивающихся воплощением лишь одной черты человеческой природы. И в своем жизненном поведении, во взаимоотношениях с людьми, в оценке их мыслей и действий сам Пушкин тоже неоднозначен.

Свободолюбивый человек, противник деспотизма, сторонник либеральных реформ западноевропейского образца, он оставался убежденным в том, что в огромной Российской империи уместно было тогда именно монархическое правление, и придерживался «имперских» государственных воззрений в сфере внешней политики. Написав, что не признает бунтов и революций, и уверенный в невозможности успеха восстания, подобного выступлению 14 декабря 1825 г. в Петербурге, он преклонялся перед личным подвигом декабристов, уважал их идеалы и в таком именно духе составил стихотворное послание отправленным в Сибирь декабристам. В своих представлениях, и историко-политических, и социокультурных, и о поведении человека, и о характере и способе выражения его творчества, Пушкин необычайно широк и независим.

И в то же время ненавязчив, хотя и очень четок в своих нравственных позициях и в художественных произведениях, и в размышлениях о событиях прошлого и современности: гений и злодейство несовместимы в одном человеке; жалок правитель даже одаренный, трудолюбивый и энергичный, «в ком совесть нечиста». Для утверждения таких нравственных представлений Пушкин готов был не щадить и знаменитые в истории имена, поддерживая лишь одну – и притом небесспорную – версию о причастности их к преступлениям, не прощаемым ни современниками, ни потомством (как в случае с царем Борисом Годуновым и композитором Сальери). Не может быть устроена жизнь и человека, способного убить друга (как у Евгения Онегина).

Не раз Пушкин убежденно формулирует мысль: «Уважение к минувшему есть черта, отличающая образованность от дикости», «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности». И еще более резкое суждение: «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим». То же в поэтической форме: «Два чувства дивно близки нам, / В них обретает сердце пищу: / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам». И далее в первоначаль-

ном варианте: «На них основано от века / По воле Бога самого / Самостоянье человека, / Залог величия его». Ощущение своих корней во времени и в пространстве, по Пушкину, говоря языком современной науки, – в основе генофонда душевного здоровья человека. И Пушкин возмущался теми «озлобленными людьми», которые не любят России и «стоят в оппозиции не к правительству, а к отечеству». Еще глубже Пушкин стал ощущать взаимосвязь времен, когда готовил себя к занятиям историей и как бы предвидел взгляд из будущего, думая о том, «чей высокий лик в грядущем поколеньи / Поэта приведет в восторг и умиление» (Стихотворение «Полководец» 1835 г.).

Знаменитый русский драматург Александр Островский еще в 1880 г. верно заметил: «Кроме наслажденья, кроме форм для выражения мыслей и чувств поэт дает и самые формулы мыслей и чувств», и потому через Пушкина «умнеет все, что может поумнеть». Притом в сотворенном Пушкиным, как становится яснее с годами, есть тайна. И, как разъясняет писатель уже советского времени Андрей Платонов, она «в том, что за сочинениями – как будто ясными по форме и предельно глубокими, исчерпывающимися по смыслу – остается нечто большее, что пока еще не сказано. Мы видим море, но за ним предчувствуем океан». Показательно, что и Андре Жид писал о Пушкине, Рафаэле и Моцарте: «Прозрачная вода может быть бездонной».

Тоголь еще при жизни Пушкина написал (и опубликовал!): «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет...» Великий польский поэт Адам Мицкевич вторил ему: «Ни одной стране не дано дважды рождать человека со столь выдающимися и столь разнообразными способностями». Ясно, что Пушкин поражал близко знавших его исключительностью его дарований, его натуры. Жуковский, который был не только великим поэтом, но и великим педагогом (его сочинения наставника наследника престола, будущего Александра II, это – классика педагогической мысли), отметил: «Когда Пушкину было восемнадцать лет, он думал как тридцатилетний человек: ум его созрел гораздо раньше его характера». При этом в его умственном развитии, в его отношении к явлениям, в оценках их происходят очень быстрые изменения: «Бегут, меняясь, наши лета, / Меняя все, меняя нас», – писал сам Пушкин в 1830 г.

Пушкин удивлял всех и своей необычайной памятью: он с первого раза запоминал наизусть стихотворения других, и если

что забывал потом, то это считалось показателем неуместности данных строчки или слова. Память для него – побудитель к творчеству, к размышлениям: «Воспоминания – самая сильная способность души нашей».

Пушкин обладал даром глубокого и острого наблюдения, сразу схватывающего детали, многое объясняющие и датирующие (в окружающей повседневности и в прошлом), и умением вообразить в реальности воспринятое из литературы: всем памятно изображение снежного бурана в «Капитанской дочке». Пушкин был в степях Приуралья в сентябре, когда такого снега еще не могло быть, но прочитал в 1834 г. очерк С.Т. Аксакова «Буран» и привнес впечатления из этого растянутого изложения в свой лаконичный и эмоциональный рассказ.

Пушкин – блистательный собеседник, ярко остроумный, всесторонне эрудированный; его сравнивали со знаменитыми ораторами – его эпиграммы повсеместно распространялись. Пушкин был необычайно умен: неслучайно Николай I после первой же беседы с возвращенным из ссылки Пушкиным сказал, что «разговаривал с умнейшим человеком в России». При язвительном, подчас беспощадном остроумии, быстроте впечатлительной реакции и пылкости характера Пушкин был доверчив и даже простодушен, почитая это и свойством поэта («как жизнь поэта, простодушна»), чужд лукавству, тем более искательству и интригам, и, как оказалось, неспособен противостоять коварству и злости интриганов. Пушкину особо свойственно было самоуважение. Он был человеком чести в восходящем к высокому рыцарскому идеалу понятии об этом. И самых высоких представлений и о положении, и о долге Поэта: «Поэт – ты царь», «Веленью Божию, о муза, будь послушна. / Обиды не страшась, не требуя венца, / Хвалу и клевету приемли равнодушно, / И не оспаривай глупца», «Слова поэта суть уже его дела».

Пушкина в обществе выделяло и необычное обаяние. Отмечали его ярко заметный темперамент и храбрость, чарующий серебристый смех. Некрасивый, но с выразительными синими глазами на смуглом лице, невысокий, но крепкий и изящный в движениях, Пушкин был, вероятно, и сексуально очень привлекателен.

Поражали его всесторонняя образованность в сфере гуманитарных знаний и детальная осведомленность о современных обстоятельствах общественно-политической жизни и России, и зарубежья. О широте интересов Пушкина убедительно свидетельствует написанное о множестве зарубежных авторов и любовно

собираемая библиотека, где была представлена основная литература по истории, классические произведения мировой литературы и новинки ее, включая сочинения писателей, более молодых по возрасту, чем Пушкин, особенно французских или в переводе на французский язык.

Обстоятельства биографии Пушкина и истории России тех лет способствовали и развитию его дарований, и раннему признанию их в обществе.

Пушкин с детства мог воспринимать и народную культуру, уходящую корнями в допетровскую Русь (прежде всего от бабушки по матери, богатый русский язык писем которой восхищал позднее товарищей Пушкина по лицу, от природно даровитых и любознательных дядьки-воспитателя и няни; и именно Пушкин потом первым в русской литературе создаст образы и няни в стихах и в прозе, и дядьки Савельича в «Капитанской дочке»), и атмосферу франкоязычной культуры родителей и лиц их круга. Существенно для развития его литературного дара то, что Пушкин изначально был билингвистичен: он рано усвоил особенности русской речи (отмеченные в рассуждениях о баснях Крылова), приобщился к чтению и осознал, что «чтение – лучшее учение», и мог познакомиться и с обширными библиотеками библиофилов, с собраниями не только изданий XVIII в., но и более раннего времени. (Напомню, что писатель Стендаль, бывший в Москве с армией Наполеона, был поражен изяществом дворцов знати и богатством их библиотек – везде и Вольтер, и Бюффон...) Пушкин получал впечатления и от московской старины, и от жизни в подмосковном имении бабушки. Затем продуманная система образования в Царскосельском лицее, близ Петербурга, обретение среди лицейстов близких и даровитых друзей, раннее, еще в лицейские годы, вхождение в круг литературного общества поклонников Карамзина «Арзамас» (среди этих высокоэрудированных и склонных к иронии тридцати-тридцатипятилетних людей и виднейшие литераторы, и будущие декабристы, и будущие министры Николая I). Пушкин вошел в литературу тогда, когда издали первые восемь томов «Истории государства Российского» Карамзина, где изложение событий доведено до середины XVI в., и узнали, что у россиян есть история, которой можно гордиться, и теперь, после побед над армией Наполеона, настала пора создания своей литературы, отражающей современную жизнь России. Надежда эта нашла воплощение прежде всего в творчестве Пушкина, поразительно многообразном и по жанрам, и по тематике.

Я выступаю в связи с открытием памятника Пушкину за рубежом и потому позволю себе сделать акцент на том, что именно благодаря творчеству Пушкина наша российская литература стала восприниматься в русле развития мировой литературы; Пушкин стремился к тому, чтобы и историю России рассматривали в контексте мировой истории, и российскую литературу как одну из ветвей древа мировой литературы. А это – традиции Карамзина и Жуковского, восходящие еще к середине XVIII в., к творчеству Ломоносова.

Размышляя в 1834 г. о судьбах России и российской словесности, Пушкин отметил в готовящейся к печати рукописи: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы... Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией» – и добавил с грустью: «Но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна». Добавим, что в России был положен предел и владычеству Наполеона, необычайно велика роль России и в победе над фашистской Германией, в избавлении мира от коричневой чумы. В XX же столетии именно опыт утопического социального преобразования в нашей стране убеждает человечество в необходимости настороженного отношения к радикально-революционным социалистическим экспериментам. Мысль об особом предназначении России, спасшей в канун Возрождения европейскую христианскую цивилизацию, Пушкин повторил в письме Чаадаеву, написанном в знаменательный для него день 25-летней лицейской годовщины, 19 октября 1836 г., когда поэт, напоминая о победе, одержанной при Александре I над Наполеоном, писал о Руси «вознесенной ... им над миром изумленным». Именно в этом письме Пушкин, отмечая раздражение и оскорбление многим происходящим в современной ему России, страстно и убежденно формулирует: «...но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Пушкин, писатель, глубоко национальный по мироощущению, страстно любивший Россию и еще в первой прославившей его поэме «Руслан и Людмила» радостно восклицавший: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», был в то же время глубоко восприимчив к иноземной культуре и ментальности (и это особо отмечал Достоевский в речи о Пушкине 1880 г., ставшей его лебединой песнью) и, употребляя современную терминологию,

интернационалистом по своим общественным воззрениям и даже литературным вкусам.

Он постоянно находился в общении со средой дипломатов – лиц, в то или иное время связанных с дипломатической службой или с архивами, находившимися в ведомстве Министерства иностранных дел, и сам был служащим именно этого учреждения. А дипломаты той поры, это – международная элита лиц высокой культуры; и Пушкин дорожил такой принадлежностью, тем более что его положение в этой среде явилось результатом сделанного им на литературном поприще, а не служебной карьеры. В дневниках Пушкина 1830-х гг. постоянны записи о разговорах с дипломатами, А. Тургенев за 20 дней до дуэли писал о «восхитительном вечере» у австрийского посланника (Фикельмона, женатого на внучке знаменитого полководца Кутузова), где в «маленьком кружке» (посланники Франции и Пруссии, Вяземский) Пушкин рассказывал о «жизни Петра I и Екатерины II». Иностранцы отмечают, что разговор Пушкина «занимателен и поучителен» благодаря глубоким знаниям и прошлого, и настоящего России. На панихиду по Пушкину не явились приближенные ко двору царедворцы («флигель-адъютанты», как писали обобщенно современники), но дипломатический корпус был представлен почти в полном составе. И в депешах послов значительное место уделено этому трагическому событию. На вопрос о службе Пушкин еще в 1829 г. ответил: «Я числюсь по России»; и роль Пушкина в общении Западной Европы к познанию России, к воспитанию уважения к культуре очень велика, хотя и недостаточно изучена.

Великий немецкий писатель Гёте (юбилей которого – 250-летие со дня рождения – тоже в этом, 1999 г.) заметил: «Сейчас мы вступаем в эпоху всемирной литературы, и каждый должен теперь содействовать тому, чтобы ускорить появление этой эпохи». Пушкин тоже придерживался такого же убеждения. Об этом он не раз писал в своих сочинениях литературно-критического типа (в значительной части не опубликованных при жизни) и в художественных произведениях, прозаических и поэтических.

Показательны в этом плане последние стихотворения Пушкина – и по литературным первоисточникам, и по тематике, иногда и по стилистике. Они несомненные свидетельства того, что Пушкин жил тогда в мире образов мировой литературы и относил к ней уже и доступную ему российскую словесность, даже древнерусскую, ибо готовил труд о высокоценном им «Слове о полку Игореве», в древности которого не сомневался, оспаривая мнение

скептиков. Еще более заметно это в размышлениях (в прозе) о зарубежной художественной, публицистической и исторической литературе.

Стихотворение «На выздоровление Лукулла» (направленное против министра Уварова) имеет подзаголовок «Подражание латинскому». Вскоре, в том же 1835 г., было написано «Подражание арабскому». Стихотворение, начинающееся словами «Когда владыка ассирийский», – переложение начала библейской книги «Юдифь»; сюжет необработанного отрывка «Не видала ли девица» заимствован из сербских песен Караджича. Отрывки из черновых тетрадей 1835 г. – перевод начальных стихов «Мазепы» Байрона, стихотворения Колриджа «Жалоба». В 1836 г. мотивы, навеянные Библией: «Мирская власть», «Напрасно я бегу к сионским высотам»; стихотворение «Отцы пустынники и девы непорочны» передает великопостную молитву Ефрема Сирина. Пушкин начинает перевод сатиры Ювенала и посвящает побудившему его к этому Козловскому такие стихи: «Ценитель умственных творений исполинских, / Друг бардов английских, любовник муз латинских, / Ты к мощной древности опять меня манишь». Он пишет подражание арабской песне, известной ему во французском переводе; начинает стихотворение под впечатлением французского романа Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагоссе» ...

В июле–августе созданы два важнейших стихотворения Пушкина для понимания его мироощущения и оценки им своего места в истории.

Стихотворение, едва ли не программное, подводящее итоги жизненным размышлениям, мудрое и ироничное, приведу полностью:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, *СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА**.
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:

* Hamlet (*Примеч. Пушкина*).

Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусствами и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

В этих словах и идеал, и трагедия Пушкина последних лет, униженного младшим придворным званием не по возрасту (напомним, что в широко всем известном тогда «Горе от ума» Грибоедова за камер-юнкера принимают совсем молодого Чацкого) и не соответствующим знатному происхождению Пушкиных запретом выезжать за границу, где он с юности мечтал побывать, и вообще удаляться от двора без согласования, материальными затруднениями, светскими сплетнями и кознями. При подготовке к печати этого стихотворения из цензурных соображений в заголовке назван итальянский поэт Пиндемонте, а в рукописи еще и другой вариант – «Из Alfred Musset». Показательна и авторская сноска к цитате из Шекспира «Hamlet». Заметна близость настроения стихотворения с формулировкой в написанном за день до дуэли письме к герою войны 1812 г. генералу Толю: «Гений с одного взгляда открывает истину, а истина сильнее царя, говорит Священное писание».

Стихотворение, начинающееся словами «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» и называемое обычно «Памятник», намеренно сочинено в русле традиции всемирной литературы и имеет эпитафией слова Горация. И самая последняя запись Пушкина перед дуэлью 27 января 1837 г. – письмо детской писательнице А.О. Ишимовой с просьбой перевести для издаваемого им журнала «Современник» стихотворения английского поэта Вальтера Скотта. И здесь же замечание о книге Ишимовой, где пересказывается для детей «История» Карамзина: «Сегодня я нечаянно открыл Вашу “Историю в рассказах” и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!», т. е. писать об отечественной истории – сфере занятий Пушкина последних лет.

В первом сообщении о кончине Пушкина («Солнце нашей поэзии закатилось!») подчеркивалось, что «Пушкин скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!..». Этому мнению писателя князя В.Ф. Одоевского придерживались и другие знакомые Пушкина. Гоголь вспоминал, что Пушкин задумал написать роман о русской жизни, неотступно собирал материалы, говорил об этом «метко и умно». Достоевский речь о Пушкине закончил словами о том, что Пушкин умер «в полном расцвете своих сил». Можно полагать, что помимо замысла романа, а также стремления выступить продолжателем историографа Карамзина, написав многотомную историю Петра Великого, и подготовить труд о «Слове о полку Игореве», Пушкин имел намерение создать труд и о российской литературе на фоне мировой литературы.

Как выяснили ученые, и российские и зарубежные, особенно наш академик М.П. Алексеев, с именем Пушкина Западная Европа познакомилась еще при его жизни в начале 1820-х годов (в парижских изданиях), появились в печати и первые высокие оценки его места в литературе. В Англии его называют «русским Байроном», в Энциклопедическом словаре Брокгауза (издания 1830 г.) – «гениальным русским поэтом». В 1829 г. возвратившийся после поездки по странам Европы Чаадаев писал Пушкину: «Нет ни одной книжки (о России. – С. III.), в которой бы не шла о Вас речь». Молодой поэт Веневитинов видел в Пушкине поэта уже мирового масштаба и еще в стихотворении 1826 г. «К Пушкину» мечтал, чтобы великий старец Гёте, «к небу с песнию прощания / Стремя торжественный полет, / В восторге дивного мечтанья / Тебя, о Пушкин, назовет».

И действительно Гете передал Пушкину через Жуковского в 1827 г. перо, которым только что писал. Виднейший немецкий литературный критик Варнгаген фон Энзе выучился русскому языку и опубликовал обретшую всемирную известность статью о Пушкине (1838), где утверждал, что Пушкину «все одинаково известно; Юг и Север, Европа и Азия, дикость и утонченность, древность и современность; изображая разнороднейшее, изображает он тем отечественное». Знаменитый английский мыслитель Томас Карлейль писал, ознакомившись с этой статьей, автору: «Это гениальный русский; в первый раз постигаю я русских людей». Кстати, именно по «Евгению Онегину» учились русскому языку Маркс и Энгельс. Пушкина все больше переводят на западноевропейские языки. Среди переводчиков и такой крупный писатель, как Проспер Мериме: установлено, что одна из попу-

лярнейших его повестей, «Кармен» (побудившая Бизе к созданию своей великой оперы), написана под заметным влиянием «Цыган» Пушкина. Известен и анекдот, правдивость которого подтверждается разными источниками, что в 1849 г. Ламартин в Париже пригласил к обеду избранный круг людей литературы и искусства – писателей Скриба и Мериме, живописца Делакруа, композитора Мейербера – и обратился к Мериме: «Вы знаток литератур на разных языках, есть ли современник, которого можно поставить рядом с великими гениями в Пантеоне искусства?» – «Знаю», – без запинки ответил Мериме. Гости насторожились, ожидая комплименты хозяину. «Кто же это?» – с поощрительной улыбкой спросил Ламартин. – «Русский Пушкин», – ответил Мериме.

Переводу Пушкина на иностранные языки, прежде всего французский, особо способствовал живший за границей великий русский прозаик Иван Тургенев, на слова Пушкина сочиняла музыку романсов его жена певица Полина Виардо, с творчеством Пушкина он знакомил Флобера, Золя, Мопассана, Гонкуров.

В дневнике братьев Гонкуров запись 1873 г. о Тургеневе: «Он говорит, что когда он грустен, плохо настроен, ему довольно двадцати стихов Пушкина, чтобы вывести его из уныния, ободрить и возбудить; они внушают ему то восторженное умиление, которого он не испытывает ни от каких великих или великодушных дел». Вероятно, Тургенев побудил Гонкуров к чтению Пушкина: в романе Эдмона Гонкура 1879 г. «Братья Земгано» в образе цыганки обнаруживается многое от пушкинской Земфиры из «Цыган».

Когда Пушкин сочинял «Памятник», он обращался лишь к обитателям России: «Слух обо мне пойдет по всей Руси Великой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык», высказывая убеждение в том, что именно язык, культура объединяют в наибольшей мере народы многонационального государства. Пушкин осознавал, что в остальном мире российская литература еще мало известна. Но уверен был в том, что и зарубежные писатели сумеют оценить его поэтический подвиг, его мастерство и мудрость: «И славен буду я, доколь в подлунном мире, Жив будет хоть один пиит». Следовательно, речь идет уже о всей земле, о литературе всей нашей планеты.

Праздник в Брюсселе – открытие памятника и выставка, – так же как и пушкинские торжества 1999 г. в других местах за рубежами России, и издания сочинений Пушкина на многих языках подтверждают и это прозрение Пушкина.